

Часть вторая

История с 1917 года до начала возрождения

**Изгонящие мя
ныне обыдоша мя...**

III
От дом стоял в невидной тени.
Стена. Стена. Кирпич и тлен.
Тела разросшихся растений,
И парк – зеленый гобелен.

К нам ходили днем с железом,
А ночью с чадным, злым огнем.
И стены, темные отвесы,
Терпели пламень, смех и лют.

В конце он врос без сил и славы
По пояс в землю. По хребет.
Деревья, заросли и травы –
Его соседи много лет.

Но вот пришли другие. Странно
Ему казалось их стеречь.
Так близко, знаем, нежданно
Звучали и слова, и речь.

*Дела же, что творили эти,
Совсем забылись, память спит:
Расчистить, выровнять и плиты
Растущих вырвать в щелях плит...*

*Когда же в стороне восточной
Трестол поднялся, видный нам,
И возглас вырос звучно-точный,
Он вспомнил, что не дом, а - Храм.*

*Расправив грани, вечен, взвешен,
Возвысил прест как ось земли...
И приступил к нему, утешен,
Тот Ангел, что грустил вдали.*

«Серафимовская коммуна»

Вскоре после октябрьского переворота 1917 года владельцем земель Архангельского-Тюрикова и налаженного здесь обширного хозяйства стала коммуна «Сила». Когда коммуна вступила во владение землей, в имении были: цементный скотный двор и деревянный коровник на 16 коров и 10 овец, деревянный курятник, два ледника, баня господская и для рабочих, барак, два сарая, прачечная, подвал для картофеля и каменный амбар. В коммуне было 70 человек (29 взрослых и 41 ребенок), однако обработкой земли занималось всего 16 коммунаров, распахавших лишь 8 десятин земли и оставивших в запустении гораздо большие территории.

* * *

12 мая 1920 года коммуны «Сила» ликвидировали: хозяйство и инвентарь были серьезно расстроены, жилые дома разграблены, пашни не дали и половины прежнего урожая. Землю решено было передать другой коммуне – Серафимовской. «Коммунной», впрочем, новые хозяева только назывались, на самом деле это были монахини расположенного неподалеку от Архангельского-Тюрикова Серафимовского

хутора Московского Иоанно-Предтеченского монастыря. Религиозные общества к тому времени уже запретили, поэтому и была организована «коммуна», ставшая вскоре весьма крупным земельным арендатором.

Матушки-«коммунарки» получили лишь часть окружающих Архангельское-Тюриково угодий. Отдельные участки земли отошли так называемым «Пулеметным курсам» и «группе учителей». Сразу начались конфликты. Их инициаторами, судя по реакции властей, были курсанты и учителя – первым местные начальники предложили «не осложнять взаимоотношений с коммунарами», вторым – «ограничить свою пашню размерами, отведенными в 1920 году». Речь шла, видимо, о претензиях этих арендаторов на удивительно плодородные земли Серафимовской коммуны. Между тем, секрет богатых урожаев матушек был прост – усердный труд, благодаря которому разоренное имение встало на ноги. Однако вскоре «Пулеметные курсы», превратившиеся к тому времени уже в «Объединенную военную школу ВЦИК», занимающуюся подготовкой кадров для охраны Кремля, начали новую кампанию по захвату чужого хозяйства. Претензии на

земли Архангельского-Тюрикова (тогда его называли «имение Марк») начальство школы объясняло удаленностью от Москвы уже имевшегося у них имения Быково (там, видимо, все было уже разорено). Стараниями руководства школы дело дошло до суда.

Высшей оценкой добросовестного труда монахинь стало то, что Серафимовскую коммуну – монахинь! – на суде защищали представители местной – советской! – власти: «По показанию заведующего Мосгубколхоза Серафимовская коммуна монахинь – как земледельческая коллективная организация – является лучшей в губернии. Потому надо оставить имение “Марк” в ее пользовании. 16 августа 1921 г.»⁴³.

На суде было рассмотрено следующее заявление Объединенной военной школы ВЦИК (стиль и орфография сохранены):

«В имении Марк 20 десятин, оно близко. В школе 4000 человек штата и 200 лошадей, а владение этой землей монашинской общины является расхищением ценнейшего гос. имущества, т.к. эта община, не имея достаточно рабочих сил и технических средств, ни сельскохозяйственного опыта, не желая поставить правильно хозяйство, эксплуатирует это ценное угодье самым хищническим и бесхозяйственным способом, запустив и испортив даже то, что было в прошлом году нами восстановлено и приведено в порядок...»

На такое заявление главный местный хозяйственник тов. Кузнецов ответил емко и с чувством: «О “рас-

хищении” имения товарищи нахально врут. Серафимовская коммуна ведет хозяйство образцово: 96 десятин все разработаны. Коммуна дает больше пользы государству. На днях вагон хлеба отправили в Поволжье. Семена выдают окружающему населению. Не его снабжают молодняком, а оно государство – мясом. А у разных пулеметных курсов – все запущенно. Землю мы им предлагаем, но они хотят получить ОБЛУПЛЕННОЕ ЯИЧКО – воспользоваться трудами коммуны. Расхищают изгородь милиционеры, о чем ведется уголовное дело»⁴⁴.

Однако, все же вскоре имение «Марк» уже числится принадлежащим Объединенной военной школе ВЦИК... Видимо, руководство ее смогло вынести дело на рассмотрение начальства более высокого, в те сферы, где идеологические соображения безоговорочно брали верх над хозяйственными. Так или иначе, имение «Марк» у Серафимовской коммуны было отобрано. Настоятельница матушка Епифания (в миру – Елизавета Дмитриевна Митюшина) скончалась в 1929 году, а к концу 20-х годов хуторское хозяйство окончательно было разорено непомерными налогами. В 1931 году сестры были арестованы на монастырском хуторе и высланы в Казахстан. На хуторе остался один их бывший духовник схиархимандрит Илларион (Удодов), перешедший вскоре во Владимирскую церковь в Виноградове, где в годы войны он пребывал хранителем великой святыни – главы преподобного Сергия Радонежского⁴⁵.

Храм Успения в последние годы перед его закрытием

В Успенском храме службы продолжались в течение всего первого послереволюционного десятилетия. Храм уже не был приписным к Крестовоздвиженскому в Алтуфьево (к сожалению, ни время, ни причины смены его прежнего, с 1854 года, приписного статуса нам неизвестны): во всяком случае, в Архангельском-Тюриково был свой священник и многочисленный Приходской совет. В 1926 году советом, во главе со старостой С.Т. Мурлыковым, была проведена опись всего храмового имущества. Утвари было изрядно: храма не коснулась еще рука осквернителей, и в списке можно найти немало ценных и красивых вещей:

«В венчике Спасителя встав. 2 камня аметиста. У Иконы Б.М. бриллиант и алмаз. На иконе Спасителя на сереб. Цепочке висит крест с эмалью, а на иконе Б.М. – медальон», «Икона Пр. Серафима в дубовом киоте, в вызолоч. полуризе с крестом на сер. цепочке, с частью камня и мантии пр. Серафима», «Евангелие малин. бархата с сер. украш.», «Крест запрест. на дубов. тумбе», «⁷м^исвечник мет. на дуб. подставке», «Распятие с сер. выз. венчиком и лентой». Яркое ощущение богатства утвари храма возникает, если взглянуть на описания –

пусть даже и не все – имевшихся в храме облачений, воздухов и пелен:

Облачение полное серебряной парчи, «оранжевое с крестами, черное шелковое, бархатное сиреневое, голубое шелковое, желтое с розовыми крестами», «Планица барх. шитая золотом», «Пелены на аналой: 5 бархатн., голубая, золотой парчи, 2 матерчат., кружев. вязаная», «Облачения на престол: оранжевые крестами, муаровое белое, желтого шелка, голубое, красного шелка», «Комплект воздухов: золотой парчи, белые атласн., голуб. атласн., кремов. атл. и серебр.»⁴⁶.

Помимо собственного имущества Успенской церкви, находилась здесь и спасенная от разграбления утварь «домовой церкви при лечебнице Св. Марии по Устьинскому переулку в Москве».

Подписали опись 30 членов Приходского совета, и среди них целых пять Мурлыковых, не считая старосты Степана. В Совет входили и неграмотные, за которых расписывались, по их просьбе, умеющие писать прихожане, был даже один верующий греческого происхождения – Ксандопуло Николай... В основном все это были жители домов села Ново-Архангельского и расположенных у платформы Марк домиков.

Мы знаем о двух священниках: Иоанне Соловьеве и Алексее Максимове.

Отец Иоанн Соловьев служил здесь с 1924 года. Он был местным уроженцем – родился в селе Ново-Архангельское в октябре 1892 года. Окончил Московскую духовную семинарию. Супруга Клавдия была на два года моложе батюшки. Сохранилось следующее о нем свидетельство:

Анкета

На служащего религиозного общества под названием

Успенской, с. Ново-Архангельского, церкви.

Фамилия, имя и отчество: *Соловьев Иван Сергеевич*

Год рождения – *1892 г.*

Места службы и занимаемые должности или род занятий с 1914 г. по настоящее время: *Смотритель и преподаватель в быв. Сергиевской коммерч. школе, в Москве. С 21 апреля 1918 г. священник Московской Кирилло-Мефодиевск., при Сергиевской общине, церкви. С 1919 г. священ. Георгиевской, с. Капустина, Серпуховск. Уезда, церкви. С 1924 г. священник Успенской, с. Ново-Архангельского, церкви.*

Выполняет ли культовые обязанности по найму, по выбору или по назначению: *Выполняет по выбору и назначению.*

Размер получаемого вознаграждения: *Определенного не имеется.*

Был ли осужден кем, когда и за что: *Нет.*

Район деятельности: *Село Ново-Архангельское и пос. Ильинский.*

Постоянный адрес: *Савеловская ж. д. ст. Марк с. Ново-Архангельское.*

*27/IV-30 (И.С. Соловьев).*⁴⁷

Отец Иоанн Соловьев был исповедником. Приведем свидетельство из архивной справки:

«23 июня 1930 года Соловьев И.С. был арестован органами ПП ОГПУ Московской области.

Соловьев И.С. обвинялся в анти-советской агитации, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 УК РСФСР.

Постановлением тройки при ПП ОГПУ МО от 13 июля 1930 года Соловьев Иван Сергеевич был приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года. Срок отбывал в Соловецком лагере. В октябре 1932 года был освобожден по окончании срока осуждения».

Согласно Заклчению Прокуратуры г. Москвы от 12 января 2000 года на Соловьева И.С. распространяется действие ст. 3, ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

В октябре того же 1930-го года на освободившееся место был назначен новый настоятель, 69-летний протоиерей Алексей Максимов. Он был вдовец, имел дочь Ирину 1901 года рождения, работавшую в Москве машинисткой.

Анкета

На служителя религиозного общества под названием Успенской, с. Ново-Архангельского, церкви Коммунистического района Московской области.

Фамилия, имя и отчество: Максимов Алексей Константинович.

Год рождения: 1861й.

Места службы, занимаемые должности или род занятий с 1914 г. по настоящее время: Священник Вознесенской церкви в Ленинграде. С 1-го Дек. 1922 г. священ. Владимирской церкви на Никольской ул. в г. Москве. С Марта 1928 г. священ. в с. Подосинках Звенигородского района. С Апреля 1929 г. священ. в с. Никулине Бронницкого района. С Февраля 1930 г. священ. в с. Воздвиженском Погосте Рузского района. С 19 окт. 1930 г. в с. Ново-Архангельском Коммунистического района.

Выполняет ли культовые обязанности по найму, по выбору или по назначению: По назначению, вследствие просьбы прихожан о присылке священника на освободившуюся вакансию.

Размер получаемого вознаграждения: Определенного не имеется.

Был ли осужден: Нет.

Район деятельности: Село Ново-Архангельское, поселок Ильинский.

Подробный адрес: Савеловская жел. дор., станция Марк, с. Ново-Архангельское.

Протоиерей Алексей Максимовъ 1930 г. Октябрь 29 дня⁴⁸.

По свидетельству архивной справки, о. Алексей прослужил ровно месяц:

«19 ноября 1930 года Максимов А.К. был арестован органами ПП ОГПУ Московской области. Согласно Обвинительному заключению Максимов А.К. обвинялся в антисоветской агитации, то есть преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 УК РСФСР.

Постановлением тройки при ПП ОГПУ МО от 26 декабря 1930 года Максимов Алексей Константинович был приговорен: «К высылке через ПП ОГПУ в Казахстан сроком на три года. Наказание считать условным. Из-под стражи – освободить»».

Согласно заключению прокуратуры Московской области от 24 декабря 1996 года Максимов А.К. реабилитирован на основании ст. 5 закона РФ от 18.10.91 «О реабилитации жертв политических репрессий».

* * *

Точную дату закрытия храма Успения нам установить не удалось. В 1932 году в официальных документах он еще значится как действующий, то есть не закрытый, хотя неизвестно – проводились ли в нем какие-либо богослужения после ареста и освобождения протоиерея Алексея Максимова.

В акте закрытия Сергиевского храма в Чернецове (станция Новодачная) от 26 марта 1935 года ближайшим к нему действующим называется храм Владимирской иконы Божией Матери в Виноградове – хотя храм Успения находится на полпути между этими двумя. Есть основания полагать, что оба храма, Сергиевский хуторской и Успенский, были закрыты одновременно.

После закрытия храма

Одним из первых шагов, принятых Объединенной военной школой ВЦИК в своем новом владении, стало размещение в цементном скотном дворе склада пороха и боеприпасов. Местные гражданские власти потребовали ликвидации опасного склада, начальство школы всячески им противодействовало... Дело затянулось на несколько лет, хозяйство продолжало приходить в упадок, и вскоре школа, превратившаяся теперь уже в «Высшее стрелковое пехотное училище имени Верховного Совета», покинула руины усадьбы. Некоторое время землями владел Зоотехнический институт: сохранившиеся хозяйственные постройки были отведены его свиноводческому и овцеводческому отделениям; часть земель передали «Мелиоративному товариществу».

Общество это возникло еще в 1920 году и объединило малоземельных и безземельных крестьян с. Алтуфьева, деревень Кожуриха-Лупиха и Заболотье, а также оставшихся безработными людей из бывшей усадьбы Марков. В основном товарищество занималось рубкой леса и другими лесохозяйственными работами в близлежащих лесничествах. Вместе с Товариществом возникло и новое поселение. Построив свои дома южнее деревни Кожуриха, рабочие и крестьяне дали деревне название «Ново-Архангельское». В путеводителе по подмосковным дачам за 1930 год читаем следующее любопытное описание: «В ½ км от стан-

ции, за березовой рощей, в которой теперь планируется новый поселок, вдоль Дмитровского шоссе, – растянулась дер. Ново-Архангельское. Чистенькие крестьянские домики, площадью, примерно, 5х5 метров, отдаются на лето по цене до 100 руб. за сезон. Ближе к станции имеется 14 дач, находящихся в ведении дачного треста и сдающихся им в аренду. Ближайший парк и пруд с хорошим купаньем находятся в совхозе, на расстоянии ½ км от деревни.

В деревне есть кооператив и изба-читальня. При кирпичном заводе, расположенном на расстоянии ½ км, по другую сторону ж.-д. линии, есть клуб, в котором устраиваются спектакли и кино-сеансы.

В 2 км от платформы, по правую сторону линии, лежит дер. Заболотье, в которой насчитывается около 50 крестьянских домов. Цены на сдающиеся помещения 50-60 руб. за сезон. Кооператив в дер. Ново-Архангельское. Ближайшая больница в Алтуфьеве (в 2½ км).

Прогулки: Архангельское-Тюриково (2 км), Гнилуша (3 км), Алтуфьево (3 км), Петровское-Лобаново (6 км), Липки (4 км), Вешки (5 км)».⁴⁹

В тексте упоминается совхоз, на территории которого расположен пруд (речь идет о парковом пруде имения Архангельское-Тюриково).

Занявшее местные земли сельскохозяйственное предприятие было филиалом крупного совхоза «Горки-2». Крупного настолько, что и филиал его был полноценным и чрезвычайно масштабным

комплексным хозяйством со скотоводческим и птицеводческим отделениями, полями под зерновые культуры, оранжереями и садами. Местные жители рассказывают:

– Много совхозного народу сюда в 1935 году понаехало. Из «Горок-2» понагнали скота, вокруг пруда полным-полно конюшен поставили и овощехранилища рядом с озером вырыли. Брынзу здесь делали, овец много паслось. В оранжереях – от шоссе Дмитровского, булыжником мощенного, до самого пруда – персиковые деревья, и розы тоже выращивали. Был гусятник, под него еще старые фонтаны усадебные использовали. На полях колхозных – картошка, огурцы, свекла, хлеб, и трактора с косилками ездят все время. Даже смородину посадили черную – в шесть рядов от шоссе шла.

Хозяйство, словом, было поставлено основательно. Храм же использовали в качестве склада, а точнее, пункта распределения зерна. На крепком еще тогда деревянном полу под расписными сводами громоздились без всякой тары горы пшеницы, соли и дрожжей. Все это предназначалось для работников совхоза – за трудодни. Понемногу занимали работающие здесь люди и свободные от посевов околицерковные земли – под огороды.

Совхоз продолжал существовать на окружающих Архангельское-Тюриково землях до конца сороковых годов.

* * *

В годы Великой Отечественной войны храм никак не пострадал от

боевых действий, поскольку находился хотя и недалеко от передовой, но все-таки в стороне от главных сражений. В 1941 году, когда шли бои за Москву и гитлеровцы наступали с севера, в храме Успения расположилась на ночлег рота советских воинов. Один из них, Николай Кузнецов, не раз рассказывал об этом своему сыну Виктору, нашему бывшему прихожанину. Николай подробно описывал и сам храм, и место, где он расположен. Здесь, под сводами храма ночью он, по собственному признанию, единственный раз в жизни молился Божьей Матери – о том, чтобы Она сохранила его во время боевых действий живым и невредимым.

Со времен Великой Отечественной войны Николай больше не появлялся в Архангельском-Тюриково, но когда спустя более чем полвека он скончался – отпевание его происходило именно здесь. Так храм Успения дал нашим воинам временное убежище, защищая их от непогоды, и распростер над ними невидимый благодатный покров Царицы Небесной.

* * *

В послевоенные годы Липки, бывшая усадьба семьи Руперти, уже была дачей И.В. Сталина. Другие прежние дворянские усадьбы также стали резиденциями руководителей страны – Молотова, Ворошилова, Микояна. Окрестности оказались закрыты для грибников и лыжников, земли вокруг Архангельского-Тюрикова окружили заборами и колючей проволокой. Вспоминая

Храм Успения в середине XX века

детство, один из жителей расположенного неподалеку района (тогда – предместья Москвы) рассказывает о вылазках ребятни в эти края.

Слово – Алексею Ильинскому

Год был, приблизительно... где-то 57-й. Нам по 16-17 лет, часто к храму ходили. Интересно было и жутко даже немного, ведь там сплошные запретные зоны, проволокой все обернуто, а мы, как партизаны, через эту проволоку пробирались. Ездили на велосипедах, милиция нас ловила, ниппели из колес выкручивали – и в кусты их, а нас заворачивали.

Трудно сейчас юношеские эмоции передать, но от храма... присутствие одухотворенности развалин запомнилось. А еще – ходили там монашки, шестеро их сперва было. Намоленность места чувствовалась, и они ходили, пели негромко, псалмы читали. Все это меня в восторг приводило скрытый, в трепет.

Монашки... неверно сказал, не монашки это были. Мы ничего у них не выясняли, стеснялись их. Но и так видно было: лет под пятьдесят

женщинам (очень уж старыми казались), просто и строго одеты, головы покрыты всегда платочками. Просто богомолки, наверное... Они за могилками следили, просили нас в храм не заходить и пакостей не делать. Ютились поблизости где-то, наверное...

* * *

Больше, к сожалению, мы ничего не знаем о тех, кто прилеплялся тогда к пустующему храму, поддерживая в нем искорки молитвенной жизни. Свидетельство Алексея Ильинского о богомолках – далеко не единственное, но самое достоверное. Другие рассказы более сбивчивы и основаны скорее на слухах.

Народу в округе становилось все меньше, пустыли и разрушались дома Ново-Архангельского, а вскоре деревня и совсем была снесена. Жителей расселили в Москву и в поселок Северный, близ водопроводной станции. На карте Москвы 1986 года еще имелось название «Ново-Архангельское» – за пределами МКАД, на правой стороне Дмитровского шоссе.

На современных картах его уже нет.

Визит последних хозяев

Картину Архангельского-Тюрикова в середине 60-х годов мы неожиданно находим в упоминавшейся уже книге – мемуарах эмигрировавшей еще в 20-х годах Марии Альфредовны Добровейн, внучки Морица Филипповича Марка. В середине 60-х годов она дважды посетила СССР:

«В 1965 году я была в Москве целый месяц. Мне очень хотелось посмотреть все те места, где прошло мое детство и юность. Я стремилась попасть в Архангельское и Липовку. Я знала, что это будет нелегко, что вся местность вокруг Липовки считается запретной зоной, окружена колючей проволокой и находится

**Несохранившийся портик южной паперти храма
(пристроенный в 1855 г.)**

под постоянной охраной»⁵⁰. Так оно и было. Подходя к Липкам, Мария Альфредовна и сопровождавшая ее приятельница наткнулись на забор, а встретившийся охранник велел им уходить. «Мы поняли, что вся Липовка – дом, парк, пруд – все окружено высочайшей деревянной стеной, с наглухо прилаженными досками. <...> Мне грустно было уходить, даже не взглянув на

Липовку, и мы зашагали дальше по направлению к Архангельскому – и тут я все-таки попала в свою молодость! Мы вдруг очутились как бы в заколдованном, заснувшем царстве, как будто этих 40 лет вовсе и не существовало. Была тишина, ни души, вся природа кругом нас была нетронутая, та же, как раньше. Те же дорожки, мостики, тропинки, по которым мы ездили верхом,

Остатки старинного фонтана в парке неподалеку от храма

гуляли – ничего не изменилось, как будто тут никто не гулял за все эти годы. Мы пошли дальше по аллее из лиственниц, посаженных дедушкой много лет тому назад, вдали показалась белая колокольня церкви в Архангельском. Все было как сон! Но сон продолжался недолго.

Когда мы подошли к церкви, она оказалась разрушенной, и было невероятно, что она еще стоит и не рухнула. В бабушкином саду мы нашли остаток фонтана, который был перед домом, и вдали был виден пруд с островом. Все было запущено и мертво, а за поредевшими деревьями виднелись новые высокие постройки. Мы посидели на

краю фонтана и вернулись в переполненном автобусе в Москву»⁵¹.

В своих воспоминаниях Мария Альфредовна не раз отмечает безлюдность и запустение, резко контрастирующие с суетой расположенных неподалеку предместий разрастающейся Москвы. На землях бывшего поместья остался лишь один пользователь – батальон ГАИ, разместившийся у старого хозяйственного пруда, ныне огороженного глухим бетонным забором. В этом пруду 19-го января, в день Крещения Господня, приход теперь совершает ежегодное великое освящение воды на Иордани.

**Штандартенфюрер
СС Штирлиц в
Архангельском-
Тюриково
(кадр из первой
серии фильма
«Семнадцать
мгновений весны»)**

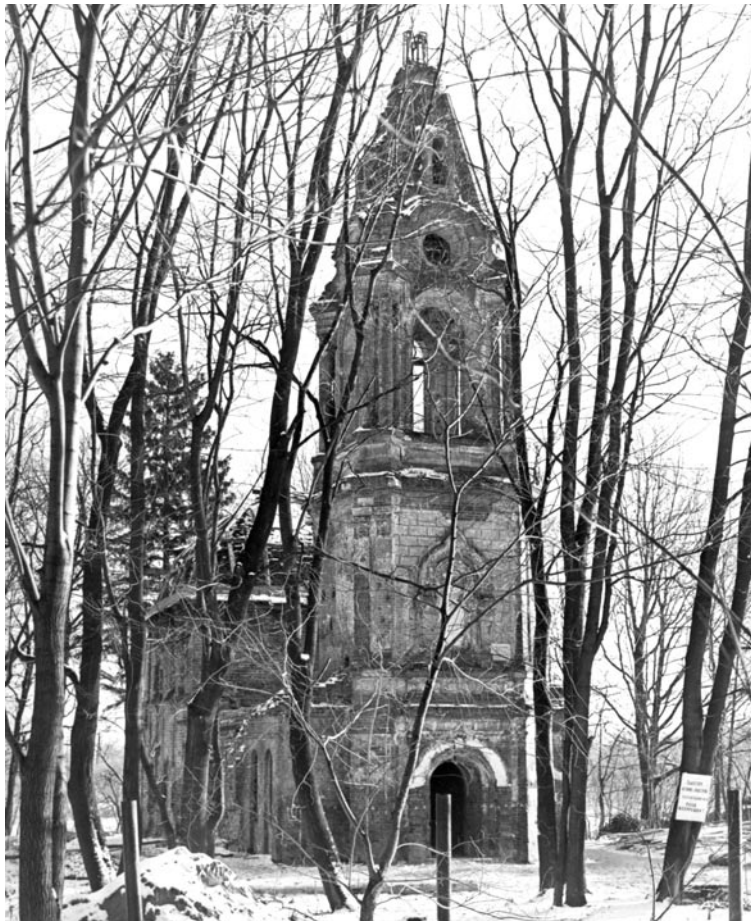

«Не думай о секундах свысока»

Старожилы свидетельствуют, что в середине 60-х издалека храм еще вполне можно было принять за действующий: серьезных разрушений на стенах церкви не было. Уцелела и кровля. Колокола, правда, давно были сняты, но кресты еще увенчивали храм и колокольню. Вспоминают: «Колонны такие... все резное... маковки железные». Сохранялись массивные дубовые двери на кованых креплениях и кованые же решетки на окнах, многолетняя, но прочная лестница на колокольню.

Вполне благолепно выглядит Успенская церковь и на картинах заслуженного художника России Н.Е. Вечтомова, подарившего приходу два своих пейзажа с видом храма 1957 года.

В 1972 году парк в Архангельском-Тюриково стал известен всему миру благодаря фильму «Семнадцать мгновений весны». Съемки многих кадров «на природе» проводились в непосредственной близости от нашего храма, причем кое-где за кронами вполне баварских лип и дубов внимательный взор может усмотреть русскую колокольню. Здесь, если кто не знает, находится дорога из Берлина в Берн – Челобитьевское шоссе (поворот от Дмитровки к нашему храму). В окрестностях храма Успения штандартенфюрер СС Штирлиц, под именем господина Бользена, прогуливался с фрау Заурих. В нашем пруду Штирлиц утопил застреленного им агента Клауса (артиста Льва Дурова).

До сих пор мальчишки нет-нет, а продолжают поиски выброшенного в пруд Вячеславом Тихоновым пистолета.

Парк перед храмом, на время привлечший съемочную группу, постепенно дичал и зарастал, очаровывая редких прохожих тишиной и покоем. Весной здесь пели соловьи, летом вдоль берега пруда густым ковром расцветали ирисы – крупные, желтые водяные цветы, напоминавшие о бывшей красоте барской усадьбы.

* * *

Позади храма, неподалеку от алтарной части, была устроена обширная городская свалка многометровой толщины. Сохранились воспоминания одного местного жителя о парке и об этой свалке. Эта зарисовка была сделана в 1988 году.

Слово – А.Ю. Евдокимову

Путь туда мрачен, безрадостен, а порой и страшен. И все же тянет в то место, хотя каждый раз после даешь себе слово не бывать там.

Грязь и мерзость – свалка; если ветер в лицо, несет непередаваемым смрадом, запахом ада, удушливым и отвратительным. Не выразить это словами!!! Свалка переливается фиолетово-коричневыми цветами всех оттенков, изредка блестит металл, белеет бумага... В дождливую погоду она становится непроходимой, ноги вязнут в отвратительной жиже... Гадкий смрад везде... Зачем идешь сюда?!

Незабываем этот страшный пейзаж! В нем – остатки прежней, уничтоженной жизни, и – как в зеркале отражается вся наша теперешняя жизнь. На том конце безумно огромной свалки – холм, на нем миниатюрная церковь Успения Пресвятой Богородицы, почти вся скрытая среди огромных лип, кленов и елей. Зброшена, полуразрушена, испоганена гадкими надписями...

Пейзажный парк с огромными редкостными деревьями спускается к пруду и остаткам плотины. А на пруду – остров с разрушенной, стгнившей купальней. Парк прекрасен – дубы, высокие желтеющие лиственницы на фоне темных елей, липы наклонились к пруду, сосны

и пихты отражаются в воде. Глаз не оторвешь! Тихо кругом... На поляне – гигантский клен в три обхвата. Все это когда-то привозилось по заказу, специально планировалась посадка. Где-то здесь должен быть и господский дом, но нет его... Ничего не осталось. Парк брошен, загажен, замусорен, за ним никто не ухаживает. Огромная, выше человеческого роста, крапива заполоняет его. Но здесь все же лучше – нет такого ужасного смрада, только изредка слышится рев двигателей самосвалов, свозящих новые порции отходов и хлама на свалку.

Солнце садится, все мрачнее кругом, из темных закоулков парка ползет холодная сырость. Торжествует сатана...

И снова я здесь. Густые сумерки, переходящие в ночь... белый снег прикрыл мерзость запустения... легкий морозец бодрит... темный силуэт церкви на звездном небе... Господи! Спаси и сохрани! Не дай погибнуть... Я сам сейчас как эта полуразрушенная церковь, сил уже почти не осталось. Господи, помоги и укрепи меня! Пресвятая Богородице, спаси нас!

«И спускаемся мы с покоренных вершин...»

С середины 60-х годов храм Успения облюбовали для своих тренировок альпинисты, которые появились здесь как раз тогда, когда исчезли куда-то несколько богомолок, что почти 20 лет прожили с молитвой у разрушенной церкви. Свято место пусто не бывает.

Им особенно приглянулась высокая колокольня, которую можно было использовать для тренировок. Лазали и снаружи, и внутри. Альпинизм в 70-е и 80-е годы был очень популярен, но так называемые «скалодромы» тогда еще не строили, так что любители активного

Во время скального штурма

отдыха на свежем воздухе каждые выходные устремлялись к объектам своих тренировок. Наиболее популярным таким объектом в Москве было Царицыно, храм же Успения в Архангельском-Тюриково стал вторым по значению полигоном скалолазания. Здесь обосновался альпинистский кружок МФТИ (сам институт находится неподалеку, в Долгопрудном). На его базе постоянно, в течение многих лет, проводились тренировки с отработкой отдельных элементов техники скалолазания, а также соревнования, собиравшие участников не только из Москвы, но и со всего Советского Союза.

Преподаватель Физтеха Евгений Донор рассказывал, как «для того, чтобы не сойти с ума от чрезмерных умственных нагрузок», он со

На покоренной колокольне

своими товарищами занимался альпинистской подготовкой на стенах нашего храма с 1970 года. Помимо многих скалолазов-любителей здесь прошли свое становление и серьезные альпинисты. Наиболее известный из них – мастер спорта международного класса Владимир Башкиров, скончавшийся от горной болезни в 1997 году в Гималаях, во время восхождения, получившего у профессионалов название «русский вариант».

Случайно это вышло или нет, но «русский вариант», успешно выполненный на следующий год после кончины Башкирова, копировал маршрут восхождения и спуска во время тренировок на храме Успения. Первая вершина, восьмитысячник – подобна колокольне, которую штурмовали сбоку. Потом

Страховка “снизу”

следовал переход через седловину горного хребта и оттуда – восхождение на соседнюю (тогда пока еще не покоренную) вершину Гималаев, подобную четверику храма. После этого – спуск вниз. Масштаб, конечно, несоизмерим – 25-метровая колокольня и Гималаи! – но принципиальная схема маршрута покорения вершин такая же, как и во время тренировок.

Помимо занятий мастеров, была организована и платная школа «Юный альпинист», о которой крайне пренебрежительно отзывались

серьезные спортсмены. Отсутствие должного профессионализма приводило к тому, что нередко случались различные травмы, а в отдельные годы и по несколько смертельных случаев.

Если позволительно назвать альпинистов новыми «хозяевами» Успенского храма, то они очевидно не воспринимали его ни как объект духовного предназначения, ни даже как памятник архитектуры. Не имея религиозного сознания, эти люди видели в храме лишь обветшавшую каменную кладку, в

**Физтехи во время тренировок.
В объективе – Евгений Донор, 1971 г.**

которую при необходимости можно было вбить крюк или отколоть от нее кусок для удобнейшей поста-

новки ноги или руки. Храм сильно пострадал от упражнений в скалолазании. С него была постепенно сорвана кровля, обрушены главки с крестами, разобран по кирпичику изящный барабан на четверике, обвален каменный свод над алтарем и трапезной, до неузнаваемости изуродована колокольня. Храм превратился в подобие Брестской крепости. По оценке экспертов ВООПИКа, сохранилось всего 40 процентов первоначальной кладки стен. Выбивая ниши для опоры ног и вколачивая в стены крюки для веревок, альпинисты не только дробили кирпич и откалывали пласты старой штукатурки, но и открывали дождю и снегу доступ к внутренней кладке. На карнизах, в выбоинах стен и на выщербленных арках свода зазеленел мох, выросла трава и даже укоренились молодые березки. Отец Константин вспоминает:

– Множество березок высотой до трех-четырех метров были срублены со стен храма к первой Троице. За ними в тот год идти пришлось не в лес, а лезть вверх до карнизов колокольни и четверика. Это было не только радостное, но и полезное украшение храма к празднику.

Разрушение накануне возрождения

Итак, к началу 90-х годов храм стоял полностью разоренным. Ни пола, ни кровли над четвериком не было. Фрески исчезли, лишены всякой защиты от непогоды, многие изображения были сколоты нещадной варварской рукой. От алтаря остались лишь два вет-

хих выступа стены, вырастающие из обломков белокаменного цоколя. В стенах зияли бесформенные дыры, бывшие некогда изящными окнами. Мрачное, пустое, сырое здание, слишком разоренное, чтобы кто-то захотел воспользоваться им для каких-то благих

**Разрушенный алтарь.
Мерзость запустения на святом месте**

“Брестская крепость”

На месте обрушенного свода
трапезной части храма

Вот что
осталось от
стройных
колонн
колокольни

целей. Неудивительно, что вскоре уже и местные жители без зазрения совести начали выбирать кирпич из выщербленных стен алтаря – храмото на глазах разваливается, чего уж тут!

Отец Константин вспоминает, как вскоре после начала в храме богослужений он встретил на Старомарковском кладбище плачущего мужчину. Будучи в расстроенных чувствах и не вполне трезвом состоянии, этот человек признался в совершенном им святотатстве. Вместе со своим покойным отцом (на могиле которого он справлял тризну) он разбирал алтарь по кирпичу, отвозил на тачке и продавал дачникам большемерный кирпич с клеймом восемнадцатого века по десять копеек за штуку.

– Вот этими самыми руками я разбирал ваш храм! Что мне теперь делать?

– Надо покаяться. И не только на словах, но и делом. Жду вас на исповедь, и приходите – поможете в восстановлении храма. Нам помощь нужна.

– А отец? Он ведь уже в могиле...

– Приходите потрудиться и за отца.

– Приду. Обязательно приду.

Но этот человек в церковь ни на исповедь, ни на восстановительные работы так и не пришел...

* * *

Разрушался храм, уродовался и ландшафт вокруг. Свалка толщиной от 3 до 5 метров была присыпана тонким слоем земли, на ней колыхалась под ветром полынь и рос

Окно церковной колокольни

чертополох. Сегодня на этом месте расположен коттеджный поселок «Архангельское-Тюриково».

Близ свалки, на бывшей церковной, а потом ставшей бесхозной земле сами собой стали возникать картофельные поля и огороды – неоформленные наделы земли, взятые самозахватом в безвременное пользование предприимчивыми окрестными жителями. Такие бесчисленные возделанные огороды стихийно появлялись и в усадебном парке, и на полях, и по опушкам во всех окрестностях храма – от МКАД до Северной водопроводной станции. Ближайшее владение подступило к храму на десять метров.

Одно время власти собирались храм по неизвестной хозяйственной надобности определить под снос, но по Промыслу Божию

**Колокольня под
снегом**

в 1987 году МГО ВООПИК и НИИПИГЕНПЛАНА г. Москвы дали заключение о его исторической ценности. Храму был присвоен статус памятника архитектуры. После этого, впрочем, чиновники о нем вновь благополучно забыли – зато, хотя и лишенный хозяев, храм остался стоять.

В 1993 году общественным инспектором ВООПиК Ольгой Николаевной Русиной в февральском номере «Московского журнала» был опубликован первый (и притом весьма обстоятельный) обзор истории села Архангельское-Тюриково и храма Успения Пресвятой Богородицы.